

ТА ТИ

РАССКАЗ

ТО ДА СВЕ

ГЛУШИТЕЛЬНО прогремел выстрел. Звук его отразился от дальних холмов и долго не умолкал, дрожал в вечернем воздухе. Когда мы наконец набрались смелости, чтобы посмотреть, отец уже отбросил ружье в сторону. Остекляевшими глазами он глядел на Та Ти, лежавшего в луже крови.

Отец рухнул на колени и прижал к груди еще теплое тело... Широкая мускулистая спина его тряслась.

Мы не могли пошевелиться. Со всех сторон сбегались любопытные соседи и останавливались в ужасе.

Казалось, прошла вечность. Отец скрипнул зубами и обернулся к нам. Вены на его висках вздулись так, словно вот-вот лопнут. Он проглотил слюну, посмотрел на мать и медленно произнес:

— Ма Йи... Заверни его в новое одеяло и закопай под этим кустом. Положи в могилу все его вещи и игрушки. И пусть над могилой не будет холмика. Никто не должен знать, где он похоронен.

* * *

При англичанах отец был школьным учителем. Он получал достаточно, чтобы мы не бедствовали, и хотел дать всем нам хорошее образование. Он любил нас, своих детей, но не умел и не хотел выказывать этой любви, и потому казался нам чужим и холодным. Он ни в чем не отказывал нам и, если нужно было, проводил ночи напролет у постели заболевшего сына. Мы уважали отца, и боялись его, и относились к нему так, словно были его учениками.

Но все изменилось, когда в доме появился Та Ти. Отец нянчился с ним, таскал его на руках, бормотал ласковую бессмыслицу — всю его сдержанность как рукой сняло.

Мать ворчала, что он заботится о Та Ти больше, чем о родных детях. Отец улыбался и отвечал:

— Ты, оказывается, ревнивица. Подумай, насколько ты неправа. Нашим детям досталось все — и любовь родителей и забота. У Та Ти никого нет. Мы обязаны дать ему хотя бы то, что от нас зависит.

У нашего отца была одна страсть — охота. Все свое свободное время он проводил в лесу. Летом его и вообще дома не бывало. Он уходил со своими друзьями далеко в горы, возвращался, увешанный трофеями — рогами, клыками, слоновьими бивнями, порой он приносил с собой птенцов и зверят, чтобы мы с ними играли и заботились о них. И в доме не переводились живые игрушки — зайчата, попугаи, совы.

Как-то раз отец с друзьями преследовал дикого быка. Бык был ранен и медленно уходил от охотников. Когда они вошли в заросли слоновой травы, то услышали громкий рев тигра.

Вскоре охотник с левого края цепи свистнул. И тут же прогремел выстрел. Остальные бросились туда и увидели мертвую тигрицу. Она была убита наповал — пуля угодила ей в висок.

Но тигрица была не одна. Рядом с ней лежал новорожденный тигренок.

И только тут охотники поняли, что натворили: они застали тигрицу в момент родов.

Отец посмотрел на мертвую тигрицу, на слепого тигренка, и все в душе его перевернулось. Он понял, что никогда в жизни не сможет больше охотиться. Многолетняя страсть к охоте исчезла в один миг, навсегда заглушенная раскаянием.

Чувство вины вскоре перешло у отца в нежную любовь к тигренку, мать которого они убили. Он назвал его Та Ти.

Тигренка выкармливали из рожка, и ночами мы слышали, как отец поднимался и грел бутылочку для малыша.

Отец сильно изменился. Он теперь редко уходил из дому. Он бросил пить. Мать испытывала за это благодарность к тигренку, но вместе с тем — и некоторую ревность: ведь отец никогда не заботился так о собственных детях!

Та Ти быстро рос, и любовь отца укрепилась верностью, которой платил ему тигренок. Та Ти всюду следовал за отцом, словно собачонка. Даже в уборной отец не мог уединиться. Тигренок ложился перед дверью и, если полагал, что отец задерживается, начинал скрестись в дверь. Если отец выходил в сад, то тигренок скакал и носился как угорелый.

Каникулы кончились, отец вернулся в школу. Та Ти днем привязывали на цепь. Он ложился, спрятав морду в лапы, и, кто бы ни проходил мимо, принимался зевать, подвывая, словно жалуясь на свою судьбу. Мы часто приносили зеркало и ставили перед ним. Он пугался собственного отражения, отступал на несколько шагов и затем подкрадывался к двойнику. А как только его нос касался холодного стекла, Та Ти рычал и в растерянности оборачивался к нам.

Отец научил Та Ти одному трюку. Он щелкал пальцами и говорил:

— Та Ти, сычишка, вставай и иди к отцу.

Услышав эти слова, тигренок поднимался на задние лапы и, переваливаясь, направлялся к отцу. Порой он падал, не добравшись до цели. Отец смеялся

тогда, а Та Ти весело подползал к его ногам — казалось, он тоже смеялся.

Играя с тигренком, отец зарывался лицом в мягкий пушистый живот своего любимца, и тигренок осторожно отталкивал его подушками лап. Мать начинала ворчать, что это до хорошего не доведет, а отец отвечал:

— Ну что ты сердишься? Мы с сынишкой любим друг друга бескорыстно. А ты просто ревнуешь.

Мать хмуро возражала:

— Слишком красиво говоришь. Ведь он всего-навсего зверь.

— Ты ничего не понимаешь, — загорался отец. — Нельзя же подходить к нему с человеческими мерками. Люди любят себе подобных тогда, когда рассчитывают на взаимность. Нам с Та Ти этого не нужно.

И эта счастливая жизнь продолжалась до тех пор, пока...

Однажды утром отец с тигренком играли в саду, и тут пришли гости. Двое были старые приятели отца, третий — чужой, англичанин, начальник районной полиции. Та Ти лежал, растянувшись у ног отца. Он подрос, достиг почти двух футов в длину и был похож на большого дикого кота.

Англичанин сделал вид, что удивился.

— Так вы держите тигренка! — сказал он. — А я полагал, что дикую кошку.

Отец улыбнулся. Приятели отца наперебой принялись рассказывать о том, как появился Та Ти в нашей семье, как любит отец своего питомца.

Англичанин слушал терпеливо, затем скептически усмехнулся.

— Пока, — сказал он, — ничего страшного. Но когда тигр подрастет, он станет опасным для окружающих. Полагаю, что вам не разрешат его держать. Советую вам передать тигра в зверинец.

Отец нахмурился.

— Мой сынишка, — сказал он, — живет с нами с первого дня своей жизни. И не думаю, что он снова станет диким. И я... я не представляю, как смогу с ним расстаться.

И, чтобы скрыть от англичанина свои истинные чувства, он продолжал нарочито веселым голосом:

— А если власти велют мне передать сынишку в зверинец, придется и меня туда посадить. Как вы думаете, для меня найдется клетка?

Все засмеялись. Смеялся и англичанин. Но внезапно он согнал улыбку с лица и сказал официально:

— Предупреждаю вас, чтобы вы были осторожны. И если когда-нибудь зверь укусит вас или кого-то из ваших детей до крови, прошу вас немедленно поставить меня в известность.

Отец наклонил голову. Спорить было бессмысленно.

— Я обещаю вам, — сказал он, — что мой сынишка никому не причинит зла. А как вы сами сказали, в таком случае я могу его оставить в доме.

Англичанину пришлось признать, что отец прав. Он вежливо улыбнулся.

Разговор перешел на другие темы. Та Ти начал скучать. И, чтобы утешить тигренка, отец протянул ему руку. Тигренок лизнул тыльную сторону кисти. Лизнул снова.

Отец не обращал больше на него внимания. Он был настолько поглощен разговором, что на какое-то время забыл о Та Ти. И тогда звереныш, чтобы привлечь внимание отца, принялся лизать его руку что есть силы.

Язык тигра такой жесткий, что, говорят, тигрица не дает своим детям сосать себя. Молоко ее стекает на листья, и тигрята слизывают его. Правда это или нет, но тигренок языком оцарапал руку отцу и,

видно, испугавшись того, что наделал, принялся зализывать царапины, отчего кровь пошла еще сильнее.

Тут только отец почувствовал боль и взглянул на свою руку. Рука была вся в крови, и при виде этого все испуганно замолчали.

Отец с опаской взглянул на начальника полиции... В лице его было что-то, чего мы никогда еще не видели. Отец был испуган. Англичанин поднялся, взглянул осуждающе на тигренка и произнес голосом человека, который всегда и везде в первую очередь думает о том, как выполнить свой долг:

— Простите, но, очевидно, это должно было рано или поздно случиться. Я — слуга закона и обязан его уважать. Если я нарушу собственное слово, я лишусь авторитета в ваших же глазах. С вашего позволения, как только я вернусь к себе, я пришлю человека за тигром. Как вы знаете, тигр, узнавший вкус человеческой крови, стремится отвесть ее вновь. В соответствии с законом зверинцы не берут тигров, которые нападали на людей. Но я сделаю все от меня зависящее, чтобы его не убивали.

Отец стоял, опустив голову. Друзья уговаривали его:

— В зверинце за тигренком будет хороший уход. А ты сможешь приезжать и навещать его. Ты обязан подчиниться власти.

Отец ответил им по-бирмански, чтобы англичанин не понял:

— Как вы не понимаете! Эта белолицая обезьяна с самого начала решила разделаться с тигренком. Неужели вам не ясно, что, как только он попадет к ним в лапы, они или пристрелят его, или замучают в клетке! Знайте же, что моему сынишке никогда не бывать в зверинце!

Отец зажмурился, стараясь унять слезы, и взял себя в руки. Он надеялся еще уговорить англичанина:

— Ну неужели нельзя простить ребенка? Ну дайте ему еще один шанс. Всего один...

Ответ был:

— Простите, я ничем не могу вам помочь.

Англичанин повернулся и ушел. Он шел прямо и ровно, будто выполнял свой долг.

Отец скрипнул зубами и позвал мать:

— Ма Ии... Принеси ружье.

Приятели отца, догадавшись, в чем дело, пытались уговорить его:

— Не делай этого. Это же нарушение приказа. Ведь английский начальник обещал сделать все от него зависящее...

Отец обернулся к приятелям:

— Конечно, он сделает все от него зависящее. Он ничего не обещал. Ничего. Белые могут вежливо разговаривать, но никогда не связывают себя словом. Как я могу отдать ему существо, которое выкормил собственными руками? Как я могу отдать его в жестокие или равнодушные руки?

Мать, все еще не понимая, что происходит, вернулась в сад с ружьем. Отец взял его. Он взглянул на своего питомца, который блаженно валялся у его ног, подняв кверху все четыре лапы. Отец отошел на несколько шагов, поднял дрожащую руку, щелкнул пальцами и выговорил неверным голосом:

— Та Ти, сынишка, вставай и иди к отцу.

Та Ти тут же вскочил, поднялся на задние лапы и, потешно раскачиваясь, улыбаясь во всю пасть, пошел к отцу.

Прогремел выстрел. Звук его отразился от далеких холмов и долго не умолкал, дрожал в вечернем воздухе.

Перевел
Кир. Булычев

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ совместно с сайгонским режимом осуществляют кровавый план «умиротворения сельских местностей» Южного Вьетнама. Вот некоторые данные об осуществлении этого плана, согласно сообщению агентства ВИА (ДРВ).

В рамках плана «умиротворения» используются самые вероломные и варварские методы. Основной метод состоит в использовании военной силы с тем, чтобы уничтожить все источники средств к существованию и согнать население в концентрационные лагеря и «стратегические деревни». Если ранее, в период своего контрнаступления в сухой сезон (1965—1966 годы; 1966—1967 годы), американские марионетки считали вооруженные силы освобождения своим главным противником, то в настоящее время объектом «умиротворения» становится все население без различия возраста и пола. Соединенные Штаты и их марионетки провели десятки тысяч операций, цель которых заключается в том, чтобы «убивать всех, уничтожать все, сжигать все».

Они использовали огромное количество бомб и снарядов, начиная от бомб весом в 14 тысяч фунтов и кончая осколочными, противопехотное оружие, например шариковые бомбы. Район Хайланг (провинция Куангчи) с населением 80 тысяч человек был атакован с использованием свыше 1028 тысяч бомб и снарядов всевозможных калибров на протяжении 1968 и 1969 годов. Не менее 472 бомб было сброшено на Тайхадонг, деревню всего лишь с семью семьями, расположенную к югу от Дананга. В 1968 и 1969 годах на каждого деревенского жителя было сброшено до пяти тонн боеприпасов; только в феврале 1969 года было убито 126 человек. С базы Биньдык (провинция Майтхо), где была дислоцирована 9-я американская пехотная дивизия, каждую ночь противник выпускал от тысячи до шести тысяч снарядов по окружающим деревням, многие из которых были полностью уничтожены, в них не осталось ни одного дерева, ни одного дома, как это случилось, например, с деревнями Кимсон (Майтхо), Футук (Бенче) и с другими деревнями. В процессе «умиротворения» использовались бомбардировщики «Б-52» для разрушения населенных пунктов. Бомбардировщики атаковали многочисленные районы в дельте реки Меконг и в

прибрежном районе Чунгбо (Центральный Вьетнам), не пощадили даже районы, расположенные близ Сайгона — на деревню Тханьлам (провинция Камау) с 25 сентября по 10 ноября 1969 года было совершено 34 налета.

Интенсивно использовались токсические химикаты и отравляющие газы. За последние три года токсические вещества широко

применены бомбы, снаряды и токсические средства с тем, чтобы уничтожить то, что осталось, и лишив население всех источников средств к существованию, вынудить его уйти в концентрационные лагеря.

Широко были использованы также смертоносные отравляющие вещества. Во время операций по «умиротворению» газы закачивались в гражданские бомбоубежища; те, кому удалось выбраться из бомбоубежищ, были избиты и доставлены в концентрационные лагеря. В Сонми (Куангнам) каратели закачали газ под землю, уничтожив 12 стариков и детей. В ходе налетов, связанных с «умиротворением», на многие районы провинции Биньдинь за первую половину мая 1970 года Соединенные Штаты и марионетки использовали химические мины, химические гранаты, распылители химикатов.

Кроме бомб, снарядов и токсических веществ агрессоры прибегли также к омоции танков, бронированных автомобилей и бульдозеров, чтобы сровнять с землей целые деревни. На окраинах таких крупных городов, как Сайгон, Хюэ, Дананг, постоянно действовали от 50 до 100 танков и бульдозеров, превращая многие деревни в безлюдные места. Американцы и сайгонские солдаты сжигали дома с крышами из тростника, применяя огнеметы; разрушали кирпичные жилища и укрытия при помощи мин; уничтожали колодцы, а затем при помощи бульдозеров одну за другой срывали с землей деревни. С самого начала 1971 года они постоянно направляли от 200 до 300 машин с тем, чтобы уничтожить деревни в районе Кучин (провинция Тайнинь), к северо-западу от Сайгона. Начиная с 15 августа 1971 года машины постоянно использовались в действиях против 18 деревень в районе Дьенбан, Дыйсьен и Хоаванг, которые лежат к югу от Дананга. Из 870 деревень провинций Куангчи и Тхыатхиен было уничтожено более 400. В районе Хайланг с населением 80 тысяч человек было полностью уничтожено 23 206 жилищ, пагод и школ, 4586 гектаров пашен и садов, 182 плотины и 124 250 могил. Из 426 деревень близ Дананга было сильно разрушено 406 деревень. В провинции Куангнгай с июля 1969 по июль 1971 года было полностью уничтожено 275 небольших и 178 больших деревень, 64 400 домов и свыше 115 600 гектаров пашен и садов.

«УМИРОТВОРЕНИЕ» ПО-АМЕРИКАНСКИ

распылялись над населенными районами в дельте реки Меконг и в прибрежных районах (Чунгбо). В горных районах каждое поле маиса и риса было обследовано с воздуха, а затем обработано химикатами с транспортных самолетов и вертолетов. Южный Вьетнам, который когда-то был «житницей риса» и экспортировал почти 1,5 миллиона тонн риса в год, за последние три года (1969—1971) вынужден был импортировать около 1800 тысяч тонн риса в связи с уменьшением производства риса из-за бомбардировок и распыления химикатов. В октябре 1970 года уничтожение лесов в провинциях Куангнам и Куангнгай при помощи токсических веществ привело к сильному наводнению, от которого пострадали десятки тысяч интернированных лиц в различных концентрационных лагерях в этих провинциях; свыше 300 тысяч людей остались без крова; было уничтожено от 50 до 80 процентов посевов. После наводнения были